

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-466-474

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА ВО ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ван Цзяо

МГУ им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, ГСП-1, Москва, Россия, 119991

В статье основное внимание обращается на рассмотрение времени повествователя и времени автобиографического героя на материале современных русских автобиографических произведений. С этой целью описывается ведущее начало времени в бинарной оппозиции «время / пространство», посредством которой можно проследить развитие литературно воссозданной становящейся личности, а также раскрыта неслитность времен повествователя и автобиографического героя. Эпическое время указывается как основа времени повествователя, введение которого проявляется главным образом в двух моментах — в прекращении или изменении хронологического движения героя. А доминантным временем автобиографического героя оказывается биографическое время, в которое происходят его рост и эволюция. Большое место в работе занимает исследование пересечения биографического времени с временами историческим, бытовым и мифологическим.

Ключевые слова: Современная русская автобиографическая проза, время повествователя, время автобиографического героя, эпическое время, биографическое время, историческое время, бытовое время, мифологическое время

Представление личности и изложение реальных событий и фактов из собственной жизни, литературно обработанных в автобиографическом сочинении, отражаются во временно-пространственных определениях. Естественными формами реализации мира произведения и важнейшими характеристиками для обеспечения целостного его восприятия выступают время и пространство [3. С. 47; 6. С. 487].

Вопросы по поводу художественного времени и/или пространства в литературе осмыслены многими исследователями. По отношению к удельному объему временных и пространственных представлений в словесном искусстве время рассматривается как доминирующее начало в бинаризации. Об этом писал, например, Д.С. Лихачев: «Литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени» [5. С. 213], или И.Б. Роднянская: «Искусство слова принадлежит к группе динамических, временных искусств (в отличие от искусств пластических, пространственных)» [6. С. 487]. Вводя из математической науки в литературоведение термин «хронотоп», обозначающий неразрывную цельность временных и пространственных категорий в художественном освоении действительности, М.М. Бахтин утверждает время как ведущее начало в хроно-

топе [1. С. 234—235]. Мнение В.Е. Хализева по поводу неравносильной позиции времени и пространства продолжает идею Г.Э. Лессинга о том, что литература обрабатывает и отражает реалию скорее в ракурсе ее временной протяженности. На взгляд ученых, действия в литературном произведении, выступающие как его ядро, разворачиваются прежде всего во времени, поскольку речь протекает во времени и им измеряется [4. С. 184—209; 7. С. 247—248]. Время в качестве носителя действительности конкретизируется, концентрируется и становится художественно осязаемым.

С рубежа 80—90-х годов прошлого века¹ в России появился ряд серьезных автобиографических произведений. Переживая коренные изменения в социально-политической жизни общества, русские писатели-современники постигают собственное «я», представляющееся в сегодняшние дни и представлявшееся в дни вчерашние. Художественное воспроизведение такой становящейся личности и окружающей ее меняющейся действительности находит отражение во временной системе названного жанра.

Прежде всего, следует сделать оговорку по отношению к двум неслитным временным рядам в автобиографии — времени повествователя и времени героя. Отметим, что бытование этих двух различных времен можно объяснить наличием двух хронологически разных планов в словесном произведении, выражающих себя, по М.М. Бахтину, как «событие, о котором рассказано», и «событие самого рассказывания» [1. С. 403]. Между повествователем и героем существует определенный временной промежуток и пространственное расстояние. Повествователь, действующий в плане «события самого рассказывания», в состоянии обладать преимущественно всеведущим видением, совершая временно-пространственные переходы, описывая временно-пространственные координаты дискретными или непрерывными, конкретными или отвлеченными. Правом распоряжения временем и пространством наделяет повествователя автор в соответствии с его художественным замыслом. Применительно к автобиографическим текстам герой и повествователь составляют внутритекстовое воплощение автора в целом. Собственно говоря, автор-творец через образ повествователя — более сформировавшегося нынешнего «я» — создает образ автобиографического героя — пока формирующегося прошлого «я», даже если временная дистанция между двумя «я» является не очень значительной.

Укажем, что в основе времени повествователя лежит эпическое начало, которое вводится главным образом в двух случаях. Во-первых, когда в биографическое время героя появляются вставки автора-повествователя типа описательного, рассудительного, философского, обобщенного, пояснительного и проч., прекращающие событийный ход и движение героя на промежутки. Например, запечатлевая в «Пятидесяти годах в раю» (2006—2008) поездку автобиографического героя в Коктебель в начале 1980-х годов, Р.Т. Киреев (род. 1941) как автор-повествователь приостанавливает время героя и переходит к связанной с этим местом лите-

---

¹ Согласно мнению М.М. Голубкова, условной вехой начала современной русской литературы можно считать рубеж 1980—1990 годов, когда случался журнальный бум публикаторства благодаря публикации В.В. Набокова в журнале «Москва» [2. С. 301—302].

ратурной фигуре М.А. Волошина. Затем речь заходит о яркой личности этого человека, об укрытии им в своем доме в гражданскую войну представителей обеих враждующих сторон. После такого краткого ответвления автор-повествователь вновь возвращается к приезду героя в Коктебель.

Во-вторых, когда биографическое время героя идет не строго по хронологической последовательности или равномерному течению, но осуществляется движение героя вспять или вперед во времени, временное убыстрение или замедление, т.е. появляется сочетание разновременных событий, уплотнение или растяжение событий, пропуск из них незначительных. Этот момент, в частности, нередко встречается в книге «В сражении и любви» (2003) М.П. Лобанова (1925—2016). При сохранении в хронологическом порядке изложения автобиографической линии героя в целом (от его корней и почвы, университетских времен до вступления на литературное поприще, писательской и критической деятельности) автор-повествователь сопрягает события или факты разных годов. Например, согласившись в 1982 году на просьбу главного редактора журнала «Волга» написать статью по поводу романа М.Н. Алексеева «Драчуны» и прочитав в нем о страшном голоде 1933 года в Поволжье, М.П. Лобанов приводит воспоминание о том, как лично он пережил тот голодный год, а вслед за тем переходит к своей, посвященной этому голоду работе, помещенной на страницах журнала «Молодая гвардия» в 1980-е годы. В ней он рассуждает о долгом замалчивании в официальной советской истории и литературе голода и связанной с ним мистической легенде. Лишь после всего этого начинается рассказ о работе над статьей о «Драчунах». Автор-повествователь, таким образом, в описании истории создания своей статьи «Освобождение» в отклике на алексеевских «Драчунов» вставляет два разновременных события — личное переживание голода в 30-е годы и свое письменное суждение об этом замолчанном долгое время голоде в 80-е годы.

Стоит подчеркнуть, что два случая введения эпического времени то и дело пересекаются друг с другом. Так, в приведенном примере из произведения Р.Т. Киреева в самом переходе повествования от поездки к личности М.А. Волошина рассказывается история о том, как он укрывал в своем доме красных и белых, т.е. происходит прекращение времени героя и вводится событие из 1920-х годов. А как следует из текста М.П. Лобанова, сочетание разновременных событий включает в себя также отдельную авторскую оценку по отношению к умолчанию в официальной культуре голода в 30-е годы, дающуюся в момент написания автобиографии.

Сам сюжет автобиографического текста в некоторой степени характеризуется стереотипностью, складываясь на основе сходных точек биографической линии героя, представляющихся в определенных сферах житейской и духовной жизни от детства до преклонных лет (или до возраста ведения автобиографии). Упор на периоды жизни героя в разных произведениях названного жанра делается по-разному, с учетом возможности обойтись без биографической составляющей в ее целом, подчеркнуть лишь отдельные этапы (отдельная часть из автобиографической трилогии). Тем не менее в этой биографической линии или ее основных точках происходят, по большому счету, рост и эволюция героя. Рост и взросление

свойственны множественным автобиографическим героям, например, физически ограниченному мальчику из «Белого на черном» (2002) Рубена Гальего (род. 1968), прожившему свое страшное детство в детских домах в советское время, зато выросшему в сильного духом борца, или преклоняющемуся перед Кафкой герою из «Вора, шпиона и убийцы» (2012) Ю.В. Буйды (род. 1954), который испытал жизнь в провинциальном городке в послевоенные годы в СССР во всей ее тяжести и наготе, однако сделался нравственно свободным и стойким и сформировался как писатель. Биографическое время, в сущности, представляет собой время становления человеческой личности и коррекции представления о себе сквозь призму познания и осмысления внешнего мира. Это время очень значимо в автобиографических сочинениях, причем, как автору кажется, является в них доминантным и сюжетоорганизующим.

В автобиографии происходит корреляция биографического времени с другими временными плоскостями, в частности, временами историческим, бытовым и мифологическим, весьма сложно пересекающимися с ним и переключающимися на него в одном тексте.

Биографическое время неотделимо в первую очередь от времени исторического. Человек живет без исключения в определенную историческую эпоху, он не может оторваться от исторического процесса, что в некоторой степени обуславливает его поступки, речь и мысли. Историческое время в автобиографических текстах ориентировано на воссоздание событий и людей, в той или иной мере соотнесенных с личной жизнью героя и оказывающих влияние на формирование его личности. Следовательно, исторические события скорее подчиняются биографической жизни героя, нежели открывают смысл самостоятельно. Однако с другой стороны, если герой оказывается в числе участников или очевидцев какого-то значимого исторического события, то его биографическое время может включаться в общее историческое. В произведении «Ложится мгла на старые ступени» (2000) А.П. Чудакова (1938—2005), семья автобиографического героя Антона Стремоухова переехала в ссыльный североказахстанский поселок Чебачинск во избежание сталинских репрессий. В таком контексте разворачиваются исторические факты довоенного, военного и послевоенного советского времени, услышанные, увиденные, пережитые и оцененные героем в качестве их современника. Соответственно, исторические события 1930—1950-х годов оставляют след в детстве А.П. Чудакова, а его биографическое время, чья семья как ячейка культурной волны, прошедшей в сталинские годы, в свою очередь вписывается во время историческое. Так что в автобиографической прозе имеют место взаимовключение и взаимопереход биографического и исторического временных рядов.

Бытовая жизнь автобиографического героя раскрывается соответственно в бытовом времени, которое делится на три основных плана — природный, семейный и социальный. Природный план соответствует законам природы (смене времен года и суток) и соединяется с календарными праздниками (народными и церковными). А семейный и социальный планы причастны к приобретению и корректированию героем представлений о подлинной жизни во всем ее многообразии. Пережитое героем в домашнем очаге или в противоречивом обществе,

по большому счету, стимулируют его рост и совершенствуют его человеческую природу.

Бытовая жизнь иной раз бывает и относительно статичной. В бытовое время возможен, например, постоянный повтор однообразных бытовых слов и поступков. Для такого времени характерно отсутствие как сюжетов со всеми их звеньями, так и событий в их целом. В быту вроде что-то происходит (кушанье, сиденье, гулянье, сплетня, мелкое хулиганство), но эти повторяющиеся вещи никакого существенного изменения в жизнь героя не вносят. Жизнь течет совершенно по прежнему ритму, герой остается абсолютно неизменным после подобных ежедневных незначительных действий. Такое время называется исследователями «обыденно-житейским циклическим бытовым временем» [1. С. 396], или «хроникально-бытовым временем» [6. С. 488]. По отношению к введению циклического бытового времени очень показательна проза Р.В. Сенчина (род. 1971). Окунаясь в бессобытийную жизнь, его герой ежедневно повторяет одни и те же бессмысленно механические действия. К примеру герой «Минуса» (2001) — монтировщик декораций в местном театре — работает без энтузиазма, а на досуге пребывает в безделье. Лежа в рабочем общежитии до полудня, он мучается от того, как скоротать время. Жизнь у него бедна и бледна, в ней либо забита пустота, либо господствует низкий быт — пьянство, обман, насилие и проч. Несмотря на то, что герой то и дело и читает, и размышляет над смыслом жизни, и мечтает познакомиться с красивой девушкой, над ним все же властвует бессодержательный быт, его так и охватывает безнадежность. Так, циклическое бытовое время протекает обычно в замкнутых пространствах — захолустной деревне или провинции, лишенных всяких животворящих сил. Однако порой и большой город является почвой для развертывания такого циклического быта.

Циклическое бытовое время пересекается с биографическим по той причине, что лишенный живости быт может стать стимулом изменения героя в жизненных обстоятельствах, допустим, от уединенной среды к шумной обстановке. Циклическое бытовое время преобладает в произведениях до определенной метаморфозы героя, т.е. до того этапа его жизни, пока герою не надоело поддаваться статичному укладу жизни и погружаться в монотонное бытие. С другой стороны, циклическое бытовое время может сопровождать героя постоянно, если ему все же не удалось найти себе место в жизни, поменяв пространственную координацию.

Наряду с реальными временными плоскостями в автобиографической временной системе имеет место и ирреальный временной ряд, основной формой которого можно считать время мифологическое. Вообще говоря, появление мифологического времени сводится к созданию автором-героем в сознании некоего иного мира в противоположность нынешнему. Мысленное создание такого мира, как правило, обуславливается тем, что автор-герой внутренне не воспринимает реальную действительность, не оправдавшую его надежды и ожидания. Как выражается внутренний отказ от восприятия действительности?

Во-первых, автор-герой осмысливает собственную судьбу через форму общественного сознания ушедших исторических эпох, принимая во внимание мифо-

логию и поиск нравственного стержня. Во-вторых, автор-герой стремится к осуществлению воображаемой иллюзии, в свете которой он желает видеть настоящее и будущее, опираясь на изначальные представления о мире, вечности и вселенской истории, сформулированные на раннем биографическом этапе. Изначальные представления автора-героя о мироздании, очевидно, не сходны с его сегодняшними, и даже находятся в полной им оппозиции. В-третьих, автор-герой намерен построить условные обстоятельства, где он, с одной стороны, смело выдумывает, говорит чушь и бред, предается разнообразным фантазиям и тем самым создает себе утопию, а с другой, — выворачивает душу наизнанку и способен быть предельно откровенным с самим собой. В результате этого в жизни героя происходит парадоксальное сочетание правды и лжи на границах бытия и небытия.

Признаком введения мифологического времени в автобиографию служит прежде всего то, что герой переходит в подсознательное состояние, такое как сон, пьянство и болезнь, отсюда следуют разнообразные фантазмагии, реминисценции и саморефлексии. «Трепанация черепа» (1996) С.М. Гандлевского (род. 1952) и «Асистолия» (2009) О.О. Павлова (род. 1970), например, основываются на историях смертельной болезни автобиографических героев, оба произведения имеют метафорический оттенок. Так, в тексте С.М. Гандлевского на волоске от реальной гибели герой ностальгически оглядывает свой пройденный жизненный путь и круг литераторов своего поколения. Благодаря операции по трепанации черепа он может как бы со стороны покопаться в смысле былого. А в сочинении О.О. Павлова предельно откровенно повествуется о житейской тяжести и духовной пустоте пострадавшего от мира и окружения героя, который, несмотря на это, пытается найти любовь к семье и людям, чтобы вынести болезнь, приводящую к смерти. В их произведениях болезнь сопровождается видениями, снами или опьянениями. Реальность и воображение при этом теснейшим образом связаны друг с другом.

Мифологическое время находит отражение и в приведенных автором-героем цитатах. Цитата обычно дает намек на смысл реферируемого текста. А для обозначения мифологического времени она выполняет еще одну немаловажную функцию. Раскрывающийся в цитате мир скорее всего не совпадает с миром, описываемым в основном повествовании. Посредством цитаты герой перемещается в иное историческое и социокультурное пространство, что помогает ему найти внутреннюю ось.

В современной автобиографической прозе наблюдаются не только представленные в традиционной форме эпитафия и заглавия цитаты (эпитафии к произведениям «Трепанация черепа» С.М. Гандлевского, «Асистолия» О.О. Павлова, «Вор, шпион и убийца» Ю.В. Буйды и др., заглавие «Ложится мгла на старые ступени» А.П. Чудакова является цитатой из стихотворения А.А. Блока, «Конец цитаты» (1996) М.В. Безродного (род. 1957) — реминисценцией, адресующей к В.Ф. Ходасевичу, а «Пятьдесят лет в раю» Р.Т. Киреева — отсылкой к А.А. Игнатьеву), но и рассыпанные по тексту цитаты, представляющие собой выписки, записи, предметы замечания и прочие виды коллекционирования мысли («Записи и выписки» (2001) М.Л. Гаспаров (1935—2005)), а то и цитаты, на основе чего

практически строится весь текст («Конец цитаты» М.В. Безродного), то и дело образуется гипертекст («Бесконечный тупик» (1988) Д.Е. Галковского (род. 1960)). Появление сплошных цитат в автобиографии филолога не столько показывает круг его научных интересов, сколько означает обращение автора-героя к отраженным в цитатах культурным наследиям человечества минувших эпох, в контексте которых он может разглядеть и постичь собственное «я», а также разузнать мир, в котором находится сам.

В некотором смысле можно даже сказать, что автобиографическая проза является собой миф о собственной жизни, поскольку каждая личность достаточно своеобразна, а осмысление и представление ей самой себя в значительной степени субъективно. Получается, что из собственной судьбы автора складывается своеобразный миф о себе, а мотивы, имеющие символическое значение и обозначающие пространственные параметры типа «дом», «город», «Родина», «чужбина», «мир» и др., в данном случае становятся своеобразными мифологемами и образуют мифологическое пространство. В этом плане мифологические элементы проникают в автобиографический текст вдоль и поперек, перемешиваясь с реальными жизненными событиями и соответствующими реальными хронотопами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- [2] Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920—1990-е годы). М.: Изд. центр «Академия», 2008. 366 с.
- [3] Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, Изд. центр «Академия», 1999. С. 47—62.
- [4] Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Художественная литература, 1957. 519 с.
- [5] Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
- [6] Роднянская И.В. Художественное время и художественное пространство // Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 487—489.
- [7] Хализев В.Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

© Ван Цзяо, 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 мая 2017

Дата принятия к печати: 6 июня 2017

Для цитирования:

Ван Цзяо. Современная русская автобиографическая проза во временных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 3. С. 466—474. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-466-474

Сведения об авторе:

Ван Цзяо, аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Контактная информация: e-mail: tianranbense@hotmail.com

MODERN RUSSIAN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE IN THE TIME SYSTEM

Wang Jiao

Lomonosov Moscow State University
Lenin Hills, GSP-1, Moscow, Russia, 119991

In this article the main attention is paid to research into the narrator's time and the autobiographical hero's time in the Modern Russian autobiographical prose. First of all it gives outlines of the leading position of the time in the binarization of "time / space" and explanations for relationships of the narrator's time and the autobiographical hero's time. The epic time is described as the basic time of the narrator, which manifests itself mainly in two points — change or cessation of chronological movements of the hero. The biographical time is regarded as the dominant time of the autobiographical hero, in which growth and evolution of the hero occur. The study on intersection of the biographical time with historical, everyday and mythological times occupies a great place in the article.

Key words: Modern Russian autobiographical prose, narrator's time, autobiographical hero's time, epic time, biographical time, historical time, everyday time, mythological time

REFERENCES

- [1] Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Literature and aesthetic questions. Researchs in recent years]. M.: Khudozhestvennaya literatura [Artistic Literature], 1975. 504 p.
- [2] Golubkov M.M. *Istoriya russkoy literaturnoy kritiki XX veka (1920—1990-e gody)* [History of the Russian literary criticism of the 20th century (1920—1990)]. M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya» [Publishing center "Academy"], 2008. 366 p.
- [3] Esin A.B. *Vremya i prostranstvo* [Time and space]. *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy* [An introduction to Studies in literature. Literary works: Basic concepts and terms]. Pod red. L.V. Chernets [Edited by L.V. Chernets]. M.: Vysshaya shkola, Izdatelskiy tsentr «Akademiya» [High school, Publishing center "Academy"], 1999. P. 47—62.
- [4] Lessing G.E. *Laokoon, ili O granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon, or the border between pictorial art and poetry]. M.: Khudozhestvennaya literatura [Artistic Literature], 1957. 519 p.
- [5] Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature]. L.: Nauka [Science], 1967. 372 p.
- [6] Rodnyanskaya I.V. *Khudozhestvennoe vremya i khudozhestvennoe prostranstvo* [Artistic time and artistic space]. *Literaturny entsiklopedicheskiy slovar* [Literary encyclopedic dictionary]. Pod obschey red. V.M. Kozhevnikova i P.A. Nikolaeva [Edited by V.M. Kozhevnikova and P.A. Nikolaeva]. M.: Sovetskaya entsiklopediya [Soviet encyclopedia], 1987. P. 487—489.
- [7] Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. 3-e izd., ispr. i dop. [Third Edition, the revised and enlarged edition]. M.: Vysshaya shkola [High school], 2002. 437 p.

Article history:

Received: 15 May 2017

Revised: 6 June

Accepted: 6 June

For citation:

Wang Jiao. (2017) Modern Russian autobiographical prose in the time system. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 466—474. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-466-474

Bio Note:

Wang Jiao, PhD student of The Department of Modern Russian Literature and literary process, Lomonosov Moscow State University. *Contacts*: e-mail: tianranbense@hotmail.com